18+

Елена Якушевич

Квартирный вопрос, или Как выжить студентке

Елена Якушевич

Квартирный вопрос, или Как выжить студентке

«Издательские решения»

Якушевич Е.

Квартирный вопрос, или Как выжить студентке / Е. Якушевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673900-0

Рассказанная с легкой иронией и искрометным юмором, эта история доказывает, что даже самые горькие разочарования могут стать трамплином к чему-то по-настоящему великому и непредсказуемому. Приготовьтесь смеяться, удивляться и, возможно, немного ностальгировать. Ведь перед вами — не просто книга, а билет в прошлое, где отчаяние оборачивается смехом, а несбывшиеся мечты — началом новой, захватывающей главы.

ISBN 978-5-00-673900-0

© Якушевич Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Рухнувшая мечта 7
(Не) Студентка 7
Дорога домой 8
Фиаско 11
Трудовая глава 14
Долгий путь к работе 14
Семь километров боли 20
Цех №13 23
Морковка: осенний реквием и крещение духа 26
Городская одиссея и прозрение под микроскопом 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Квартирный вопрос, или Как выжить студентке

Елена Якушевич

Иллюстратор Иллюстрации созданы ИИ платформа Fusion Brain

© Елена Якушевич, 2025
© Иллюстрации созданы ИИ платформа Fusion Brain, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-3900-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

1978 год. Лето. Знойный август. Для героини этой книги, юной девушки, этот август закончился катастрофой вселенского масштаба: она не поступила. Биохимический факультет педагогического института – ее давняя мечта! – остался недостижимым, словно мираж в пустыне.

Эта книга – не только история девушки, а живой срез эпохи – с конца 70-х до середины 80-х, это период «застоя» с его ложной стабильностью, тотальным дефицитом, бюрократией и идеологическим формализмом, а также время, когда подспудно накапливались предпосылки для грядущих масштабных перемен, кульминацией которых стало начало «перестройки» и Чернобыльская катастрофа.

Рассказанная с легкой иронией и искрометным юмором, эта история доказывает, что даже самые горькие разочарования в жизни юной особы могут стать трамплином к чему-то по-настоящему великому и непредсказуемому. Приготовьтесь сопереживать, удивляться и, возможно, немного ностальгировать. Ведь перед вами – не просто книга, а билет в прошлое, где отчаяние оборачивается смехом, а несбывшиеся мечты – началом новой, захватывающей главы.

Добро пожаловать в 1978-й, год, когда все только начиналось… с провала.

Рухнувшая мечта

(Не) Студентка

Илона вошла в фойе института. Сердце отчаянно колотилось где-то в горле, заглушая гул голосов. У стенда со списками поступивших было многолюдно. Кто-то находил себя в списках и с радостной улыбкой и победным возгласом «Ура!» уходил прочь, а кто-то мрачнел и отправлялся в приемную комиссию за документами. Предвкушение и страх сплелись в тугой узел в груди Илоны, где-то там, в солнечном сплетении. Она сделала глубокий вдох, зажмурилась, пожелала себе удачи и шагнула ближе к стенду с вывешенными фамилиями.

Ее глаза метались по строчкам, прочерчивая путь по алфавиту. А, Б, В… Нетерпение боролось с паникой. Вот уже и буква «И»… И… И… Исаева, Игнатьев, Иванова… Илона затаила дыхание, медленно скользя пальцем по бумаге, словно боялась спугнуть свое имя. Она искала его, почти видя, как оно вот-вот проявится, выделится из череды чужих букв.

Но его не было.

Холодное осознание пронзило ее, как ледяная игла. Мозг отказывался верить. Нет. Это ошибка. Так не может быть. Она отпрянула, затем снова придвинулась, почти прижавшись лицом к бумаге. Глаза затуманились, но она заставила себя сосредоточиться. Перечитывала список, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Может, ее фамилия написана с ошибкой? Может, она в другом списке, на другой странице? Она лихорадочно перебирала листы, словно от этого что-то могло измениться. Каждый раз, когда взгляд пробегал по чужим именам, а ее собственного не находил, к горлу подступал горький ком.

Сердце не просто упало в пятки – оно рухнуло, провалилось сквозь пол, увлекая за собой все внутренности. Внутри образовалась зияющая пустота, ледяная и бездонная. Ноги стали ватными, и Илона почувствовала, как ее начало покачивать. Звуки вокруг стихли, мир сузился до одной точки – этого проклятого списка, на котором не было ее имени.

Это был удар. Удар, который выбил из нее весь воздух, все мечты, все планы. Ее мир, так тщательно выстраиваемый годами упорной учебы, рухнул в одно мгновение, рассыпавшись на миллионы осколков. Она стояла посреди толпы, чувствуя себя абсолютно разбитой, выставленной напоказ, в то время как другие радовались, поздравляли друг друга, обнимались. Их ликование казалось издевательством, усиливая ее собственное унижение.

Словно во сне, на ватных ногах, Илона медленно развернулась и пошла. Куда? За документами. Эта дорога к приемной комиссии, по которой она еще недавно шла с надеждой, теперь превратилась в путь позора и безысходности. Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустой голове. Она чувствовала на себе взгляды, хотя, возможно, это было лишь ее воображение. Казалось, что все вокруг знают о ее провале, что на ее лбу крупными буквами выведено: «НЕ ПОСТУПИЛА».

В приемной комиссии все было так же безразлично и буднично. Короткий вопрос, машинальный жест, и вот уже папка с ее аттестатом и прочими бумагами лежит перед ней на столе. Илона взяла ее, и папка показалась ей неподъемной, словно в ней был не просто набор документов, а вся тяжесть ее несбывшихся надежд. Это было официальное подтверждение ее несостоятельности, ее неудачи. Без слов, без вопросов, она просто забрала ее и вышла.

Дорога домой

И вот, спустя час, с этой папкой в руках, она сидела в автобусе, который вез ее домой. Апофеоз ее отчаяния наступил именно здесь, в мерном покачивании, которое лишь усиливало тошноту. Взгляд Илоны был пуст, устремлен в окно, но она ничего не видела. Перед глазами стоял тот самый список, на котором не было ее фамилии, и те лица, которые она представляла себе, произнося вслух: «Не прошла по конкурсу…» Теперь она сидела и вроде бы внимательно смотрела через окно на пейзаж, проносящийся мимо, но так она всего лишь отчаянно пыталась скрыть свои глаза, полные слез и несбывшихся надежд.

В голове вихрем крутились печальные мыли. Как она посмотрит в глаза родителям? Они так верили в нее, так гордились, так много для нее сделали, а она… она их подвела. И не только их. Как взглянуть в глаза учителям, которые столько сил вложили, убеждая, что у нее есть потенциал? А одноклассники? Те, кто уже праздновал поступление, кто уже делился планами на общагу и студенческие вечеринки? Как она покажется им на глаза, когда все ее мечты, все амбиции рассыпались в прах?

Самооценка рухнула и ушла куда-то ниже плинтуса. Она чувствовала себя ничтожеством, пустым местом, бездарностью, которая не смогла справиться даже с такой простой задачей. Рядом ехали они – счастливые, беззаботные, нарядные студенты. Студенты! Смеялись и строили планы. У них-то все получилось! У них впереди – лекции, вечеринки, новые знакомства, целая жизнь, расписанная по сессиям и каникулам. А у нее? Зияющая пропасть. Пустота. Бесконечная череда дней, лишенных смысла, без цели, без направления. Чем теперь заниматься? Куда податься? Как вообще жить дальше, когда главный план, к которому она шла последние годы, рухнул? Мысли о необходимости срочно искать работу казались невыносимыми, лишь оттягивая неизбежное признание собственной несостоятельности.

Хотелось рыдать в голос, уткнувшись в окно, покачиваясь в такт автобусу, который вез ее домой. Каждый толчок автобуса отзывался тупой болью в груди, а слезы, которые она так отчаянно пыталась сдержать, все равно предательски катились по щекам, оставляя мокрые дорожки на щеках.

Илона представляла, как переступит порог дома, как скажет:

– Не прошла по конкурсу…

Мама вздохнет и ответит лишь коротким и хлестким:

– Я так и знала!

Этот вздох, этот короткий, но такой емкий приговор, уже стоял у нее в ушах, заглушая шум автобуса и стук собственного сердца. Это была не просто констатация факта – это было подтверждение ее самых страшных опасений, что мама всегда в глубине души знала, что Илона не потянет, что она не такая способная, как всем казалось. Этот вздох был тяжелее любого упрека, он нес в себе горечь несбывшихся надежд, немых разочарований. Илона почувствовала, как к ее горлу подступает ком, а щеки вспыхивают от жгучего стыда. Это был не упрек, а нечто гораздо хуже – тихое, безысходное признание матерью ее несостоятельности, ее неспособности оправдать возложенные на нее ожидания. Она не просто подвела их, она подтвердила их самые худшие предчувствия.

Папа будет утешать и говорить, что «в следующем году попрубуешь вновь». Папины слова, призванные утешить, отдавались внутри еще одной волной отчаяния. «В следующем году попрубуешь вновь» – это звучало как приговор к еще одному кругу ада, к еще одному году унизительного ожидания, к еще одной попытке доказать то, во что она сама уже не верила. Год. Целый год. Пока ее одноклассники будут наслаждаться студенческой жизнью, открывать для себя новые горизонты, заводить друзей, она будет здесь, в этом же городе, в этом же доме, заново перелопачивать учебники, заново переживать эту агонию подготовки, а потом – этот же страх, это же унижение. Это был не спасательный круг, а якорь, тянущий ее на дно, к еще одному году неопределенности, пока все ее сверстники будут жить полной студенческой жизнью, а она – топтаться на месте, чувствуя себя отстающей, неполноценной, вечной неудачницей. Мысль о том, чтобы снова пройти через это, казалась невыносимой, отвратительной. У нее не было сил, ни физических, ни моральных, чтобы снова броситься в эту мясорубку.

Ее грудь сдавливало невидимым обручем, дыхание перехватывало, а слезы, которые она так старательно прятала, теперь грозили прорваться наружу безудержным потоком. Каждый метр, приближающий ее к дому, становился пыткой. Она представляла их лица – мамино, уставшее и грустное, папино, сочувствующее, но тоже полное скрытой боли. Она чувствовала себя не просто разочарованием для родителей, она была разочарованием для самой себя, для той Илоны, которая так усердно училась, так верила в свои силы, так грезила о будущем. Все ее планы, все ее амбиции, вся ее личность, казалось, были построены на этой цели, и теперь, когда цель рухнула, она сама рассыпалась в прах.

Казалось, весь мир сузился до этого единственного, невыносимого провала. Автобус продолжал свой путь, мерно покачиваясь, но Илона чувствовала, что ее внутренний мир разле-

телся на тысячи осколков. Как ей теперь склеить эти обломки? Как найти силы, чтобы пережить этот позор, эту пустоту? Как начать новую жизнь, когда все, что она знала, оказалось фарсом?

Кто бы мог подумать в тот горький момент, что эта «трагедия» через некоторое время обернется самым крутым поворотом в ее жизни? Что вместо изучения пробирок и формул, ей в недалеком будущем предстоит окунуться в мир транзисторов, микросхем и, в конечном итоге, кода? Из несостоявшейся химички – в будущие повелительницы байтов!

Фиаско

О-о-о, Илона, прилежное дитя и гордость школы, образец для подражания и будущий светоч советской науки! Как же так?

Выпускные школьные экзамены Илона одолела играючи и смело перешагнула порог школы. Отличница, активистка, комсомолка – список ее регалий был длиннее, чем очередь за финскими сапогами. Она умела не только зубрить учебники, но и собирать макулатуру, издавать школьную стенгазету, стоять на субботниках с видом героини труда и даже, что уж совсем верх мастерства, искренне улыбаться на комсомольских собраниях. Институт ждал ее, это было ясно как солнечный день. И в голове уже складывалась картинка, как она, молодая учительница биологии, входит в класс.

Но вот незадача: судьба, как известно, дама с юмором, причем юмором весьма специфическим, советским. Илоне не хватило «полбалла». Не целого балла, не двух, а этих предательских, неуловимых «полбалла». Как будто бы на весах истории ее чаша успеха оказалась ровно на полграмма легче.

И вот она теперь безцельно сидела дома и смотрела в окно. Сидела, как памятник собственному несбывшемуся величию. Худая, с синяками под глазами, которые, казалось, были не результатом недосыпа, а отпечатками несбывшихся надежд. Печаль и отчаяние в глазах – это не просто слова, это был целый многосерийный фильм, который крутился в ее зрачках.

За стеклом был яркий теплый и солнечный августовский день, но он казался Илоне серым и безрадостным, как и ее душа. Деревья еще были зелеными, только кое-где уже поблескивали золотом желтые листья – предвестники приближающейся осени. Изредка по улице проезжала машина, ее гул быстро затихал, оставляя после себя лишь давящую тишину.

Илона не видела ни деревьев, ни машин. Она смотрела сквозь них, в пустоту, которая теперь поселилась внутри. Будто из нее вынули что-то живое, оставив лишь оболочку, наполненную тяжелым, вязким отчаянием. Еще каких-то два месяца назад этот серый мир за окном был полон красок, обещаний, звонкого смеха. Она видела себя студенткой химико-биологического факультета, окруженной книгами и новыми друзьями.

Она помнила, как трепетало сердце, когда она подавала документы. Как тщательно готовилась, ночами просиживая над учебниками, мечтая о лекционных залах, о новых знаниях, о том, как станет учителем – нет, не просто учителем, а тем, кто зажигает искры в детских глазах.

А потом были экзамены. Сначала все шло хорошо, даже слишком хорошо, чтобы быть правдой. Она отвечала уверенно, чувствовала, как знания, бережно накопленные за годы, легко слетают с языка. А потом… потом был последний экзамен. Биология. Ее любимый предмет. Она знала, она точно знала, но слова вдруг застряли в горле, мысли разбежались, как испуганные мыши. Пальцы дрожали, ручка скользила по бумаге, оставляя лишь бессвязные фразы. Она чувствовала, как нарастает паника, как холодный пот стекает по спине. Словно невидимая стена выросла между ней и ее знаниями.

Когда вывесили списки, ее фамилии там не было. Просто пустота. Как и сейчас.

Она помнила взгляд матери – не упрек, а безмолвное, глубокое разочарование, которое ранило больнее любых слов. И короткое, отрывистое: «Ну что ж, значит, так тому и быть. На завод пойдешь. Время сейчас такое. Всем тяжело». Время такое. Казалось, это «такое время» проглотило ее мечты, не оставив даже крошки.

Из соседней комнаты доносился приглушенный голос телевизора, мерное тиканье часов в прихожей. Все эти звуки казались чужими, не имеющими к ней никакого отношения. Она была здесь, но одновременно и не здесь. Ее душа, сжавшаяся в маленький, болезненный комок,

спряталась где-то глубоко внутри, не желая выходить наружу, не желая принимать эту новую, чужую реальность.

Семнадцать лет. Целая жизнь впереди, говорили ей. А казалось, что она уже закончилась. Что та Илона, которая мечтала о книгах и далеких странах, умерла в тот день, когда ее фамилия не появилась в заветном списке. Она закрыла глаза, пытаясь представить, что все это – лишь страшный сон. Что завтра она проснется, и будет сентябрь, и она пойдет в институт.

«Я не могу. Я не смогу», – шептала она себе, но губы не двигались. Слова звучали лишь в голове, эхом отскакивая от стенок черепа, как от стен глухого тоннеля, в который она теперь медленно, но верно сползала. Что же будет завтра? Что ждет ее впереди…

Мама, женщина практичная, не склонная к сантиментам, смотрела на дочь как на сломавшийся, но потенциально ремонтопригодный агрегат.

– Пару недель посиди дома, отдохни, – сказала она, и в ее голосе прозвучало не столько сочувствие, сколько констатация факта. – А потом решим, что с тобой делать.

«Что с тобой делать» – эта фраза висела в воздухе, как дамоклов меч, и Илона прекрасно понимала, что речь идет не о поездке на юг, а о чем-то более приземленном и, вероятно, трудовом.

Пока Илона «отдыхала», жизнь вокруг кипела, причем кипела по строгому плану. Все ее одноклассники, словно детали идеально отлаженного механизма, были аккуратно «пристроены». Кто-то – в институт, где уже в сентябре начнутся лекции по диамату и истории КПСС. Кто-то – в техникум, чтобы через пару лет стать гордым обладателем диплома младшего специалиста. А кто-то – в ПТУ, где, по слухам, давали стипендию и кормили неплохо.

А она. Она, «отличница», «активистка», «комсомолка», – не поступила. Эта мысль разъедала душу. Было горько и обидно. Горько от того, что система, которая ее так старательно лепила и лелеяла, вдруг с аппетитом пережевала и выплюнула. Обидно от того, что все эти годы зубрежки, собраний, дежурств по классу – все это как будто обесценилось из-за каких-то там полбалла.

Илона никого не хотела видеть. Каждый стук в дверь заставлял ее замирать, а затем тихонько уходить в свою комнату и сидеть там тихо-тихо, не подавая признаков жизни. Не было ни сил, ни желания вновь мямлить и объяснять, что всего-то полбалла не хватило… Как будто этих полбалла было достаточно, чтобы из будущей гордости семьи превратиться в человека без определенного рода занятий.

Иногда Илона рыдала в подушку, но делала это тихо, чтобы никто не слышал. Она опускала глаза и ускоряла шаг, встречая на улице соседей и знакомых. Ей казалось, что они, наверное, уже вовсю обсуждали ее «неуспех» на кухне, потягивая чай из блюдец, или ехидно улыбались ей вслед. Поэтому Илона сидела дома. В ее голове прокручивались сцены из будущего: вот она, Илона, в спецовке, на каком-нибудь заводе, с грустным взглядом и без шансов на карьерный рост. Или, что еще хуже, продавщицей в мясном на фоне витрины со свиными головами, которые в народе шутя называли «свиная улыбка».

Прошло две недели. Илона похудела еще больше, а синяки под глазами стали такими глубокими, что в них можно было бы прятать мелкие обиды. Мама, с видом человека, только что решившего сложную задачу по высшей математике, объявила:

– Илона, хватит сидеть и киснуть дома. Пойдешь на завод. Хватит сидеть без дела, горевать и корить себя. Мы с папой попросили твоего брата пристроить тебя в хорошее место. Завтра утром поедешь с ним на завод.

Илона даже почувствовала легкое облегчение. Это было не то будущее, о котором она мечтала, сидя над учебниками, но это было хоть что-то. По крайней мере, больше не придется объяснять про полбалла.

Комсомолка, отличница, будущий педагог… теперь просто рабочая. И, кто знает, может, именно на заводе она встретит своего будущего мужа, который тоже не поступил из-за какой-

нибудь глупой ошибки в диктанте, и вместе они будут вспоминать эти полбалла с легкой, почти ностальгической улыбкой. Ведь в конце концов, главное в этой непростой жизни – быть «пристроенным».

Трудовая глава

Долгий путь к работе

Наступило утро новой жизни – сентябрьское туманное утро! Не просто утро, а утро-издевательство, утро-будильник-в-пять-тридцать-утра. Время, когда нормальные люди еще видят десятый сон, а Илонка, чья подушка еще хранила тепло ее тревожных снов, была безжалостно выдернута из небытия.

– Вставай, пора! – этот мамин боевой клич, произнесенный без лишних церемоний и нежностей, был для Илонки хуже любого горна.

Ее мозг, еще упрямо цепляющийся за остатки сна, отчаянно сопротивлялся, но тело, повинуясь дочернему долгу и чувству вины, за то что она растяпа и неудачница, начало медленно, со скрипом, выходить из горизонтального положения. Ранний подъем для нее всегда был мучительным, как визит к зубному без анестезии, но сегодня… сегодня было «надо». Большое, жирное, безапелляционное «надо».

И вот, еще толком не проснувшись, Илонка, вместе с отцом, поплелась к остановке пригородной электрички. Там ее уже ждал он – ее спаситель, ее принц на белом коне, ну, или на электричке, ее двоюродный брат Сергей. Сергей был не просто высоким черноволосым красавчиком с карими глазами; он был Сердцеедом с большой буквы «С», чье появление заставляло девичьи сердца биться в ритме отбойного молотка. Илонка знала, что этот мачо давно и успешно работал на оборонном заводе, да не где-нибудь, а в самом отделе снабжения, а значит, был вхож в те самые «высокие кабинеты», где решались судьбы. И для своей любимой сестренки он, конечно же, подыскал место не пыльное, а «денежное и престижное» – в цеху сборки микросхем. Сам начальник цеха, по словам Сергея, был его чуть ли не кровным братом, что гарантировало Илонке, как она наивно полагала, жизнь без забот и сплошные премии.

Завод, работавший на «оборонку», был настоящим золотым дном в их скромном мирке. Зарплаты там были такими, что о них слагали легенды, а сотрудники ходили с гордо поднятыми подбородками, как будто лично спасли мир от вторжения марсиан. Но, как известно, у любой медали есть оборотная сторона, и у этого завода она была особенно коварной. Располагался он в небольшом пригородном поселке, и добраться до него из Илонкиной деревни было тем еще квестом, достойным Индианы Джонса.

Вариант первый, «для самых стойких»: сначала героически преодолеть один километр от дома до остановки электрички, затем проехать одну-единственную остановку на этом чуде техники, а потом начинался настоящий марафон. Более трех километров пешком через поле, мимо кладбища (очень жизнеутверждающий пейзаж для начала трудового пути, не правда ли?), прямо до ворот завода.

Был и второй маршрут, «для тех, кто ищет приключений»: проехать две остановки на электричке до города, потом пересесть на городской автобус, который ходил по своим, одному ему известным расписаниям, проехать несколько остановок, а затем, если повезет, с боем взять дверь и с трудом втиснуться в пригородный автобус, который, судя по слухам, появлялся на горизонте реже, чем комета Галлея. Этот вариант был настолько «не очень хороший», что о нем даже не стоило думать.

Поэтому, без лишних раздумий, Илонка, сжав зубы и нацепив на себя самые новые, самые модные туфли на небольшом каблучке (ведь на завод, да еще на такую престижную должность, надо идти во всеоружии!), вместе с братом вышла на первой же остановке электрички. И пошагала навстречу новой, трудовой жизни. Через поле. Вперед. Навстречу своей самостоятельной, взрослой, полной приключений и, как она тогда думала, безболезненной трудовой жизни. О, если бы она знала, что эти самые туфли, столь тщательно выбранные для «первого впечатления», станут ее личным орудием пытки…

Дорога к обещанному братом «золотому дну» оказалась вымощена не брусчаткой, а, кажется, исключительно подъемами и спусками. Подъем в горку, казалось, вел не просто на горку, а прямиком на Эверест. Где-то там, за горизонтом, виднелись манящие очертания городка – ее будущей «денежной и престижной» жизни. Затем, словно в награду за выносливость, начался долгий, но не менее утомительный спуск, во время которого каждая клеточка организма умоляла о передышке. Илонка чувствовала себя не героиней, покорившей вершину, а скорее мячиком, который кто-то неуклюже спустил с горы.

Когда они, наконец, добрались до здания, где располагался Отдел Кадров, Илонка уже была готова просто рухнуть, мечтая об одном – скинуть туфли и отдохнуть. Но Сергей, ее личный рыцарь, который, похоже без труда преодолел весь этот такой сложный путь, с видом человека, для которого все двери мира открыты, подхватил ее под локоток и решительно двинул к входной двери. Провел по темному коридору и усадил на стул, напоминающий трон для будущей королевы микросхем, и с видом заговорщика прошептал:

– Жди здесь, сестренка. Минут через тридцать вернусь. Мне тут надо кое-что утрясти, сама понимаешь, секреты, оборонка, все дела…

Завод еще спал, окутанный предрассветной тишиной и запахом то ли свежей краски, то ли несбывшихся надежд. Сергей растворился в коридоре, оставив Илонку один на один с тишиной и собственными нервами.

Илонка осталась на стуле. Каждая минута тянулась, как целый академический час, а обещание «минут через тридцать» уже казалось издевательством. Она сидела и смотрела, как завод постепенно начинал просыпаться. Сначала робкие шаги, потом уверенный топот. Двери хлопали, открывая и закрывая порталы в неведомые ей миры. Мимо сновали люди – серьезные, деловые, с папками и озабоченными лицами. Они выглядели как представители другой цивилизации, знающие все тайны этого огромного механизма, тогда как Илонка сидела печальная и озабоченная.

Ее сердце отбивало чечетку в груди, а желудок, казалось, пытался исполнить сальто. Неуютно? Это было мягко сказано. Она чувствовала себя не просто мышкой, а скорее пойманной в ловушку мышкой, которая только что осознала, что сыр в мышеловке – это не совсем то, о чем она мечтала. Страх, тоска, и жгучее желание провалиться сквозь пол или, на худой конец, чтобы брат вернулся прямо сейчас и спас ее из этого преддверия неизвестности. Но Сергей, похоже, был занят спасением мира, и Илонке оставалось только сидеть, смотреть по сторонам, сжимать вспотевшие ладошки и надеяться, что ее «золотое дно» не окажется просто очень глубокой ямой.

Через полчаса, когда Илонка уже была готова бросить все и бежать домой к маме, появился он, ее брат Сергей. Ее личный рыцарь, который, похоже, успел не только принять душ и позавтракать, но и, возможно, спасти кого-то из горящего здания, пока она сидела и обдумывала план побега. С видом человека, для которого все двери мира открыты, он подхватил ее и решительно толкнул к двери. Двери, на которой красовалась табличка: «ОТДЕЛ КАДРОВ». Уже одно это словосочетание заставляло Илонку напрячься. От него веяло казёнщиной, пылью и неизбежностью.

Внутри Отдела Кадров горел яркий свет, поэтому на пороге этого кабинета Илонка почувствовала себя как товар на витрине. Она замерла на пороге под взглядами трех дам, которые с пренебрежением и превосходством посмотрели на нее. За массивным столом, словно древний, но очень бдительный цербер, восседала ОНА. Женщина, чье лицо, казалось, было высечено из гранита, а взгляд мог испепелить особо наглых соискателей прямо на месте. Илонка почувствовала себя мухой, случайно залетевшей в паутину.

Сергей, не обращая внимания на ауру вселенской усталости и недовольства, излучаемую Цербером, начал свою речь:

– У нас тут договоренность с начальником цеха сборки микросхем… моя сестренка, Илона… лучшая кандидатура…

Сергей расписывал ее достоинства так, будто Илонка была не просто 17-летней девчонкой, с треском провалившейся при поступлении в институт, а как минимум лауреатом Нобелевской премии по микросхемостроению. Цербер лишь изредка фыркала, ее губы были сжаты в тонкую ниточку, а глаза, казалось, сверлили дыру в черепе Сергея. Илонка же стояла, как нашкодивший школьник у доски, и мечтала провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе, исчезнуть.

Затем, после пафосного монолога, Сергей взял трубку телефона и, приложив палец к губам, будто посвящая всех в великую тайну, набрал номер.

– Алло, Иван Иваныч? Это я, Сергей. Да-да, по поводу моей сестры…

Он говорил с начальником цеха так, будто они вчера вместе пили вино на пикнике. А потом, с победным видом, передал трубку Церберу. Та взяла ее двумя пальцами, словно это была ядовитая змея, и произнесла в трубку что-то короткое и неразборчивое, но очень, очень недовольное.

Сердце Илонки в этот момент яростно выскакивало из груди. Оно стучало так громко, что, казалось, его слышали даже в соседнем кабинете. Страх, волнение, надежда – все смешалось в один гремучий коктейль. Она ждала приговора. И вот, после очередной порции невразумительного бубнежа в трубку, Цербер наконец-то отложила телефон и, взглянув на Илонку так, будто та только что украла у нее последнюю конфету, произнесла:

– Ладно. Оформляем.

Это было как гром с ясного неба! Слово-спасение! Слово-ключ к той самой «денежной и престижной» жизни! Илонка уже приготовилась упасть в объятия брата и расцеловать его, как вдруг он, словно призрак, начал растворяться в воздухе.

– Ну всё, сестренка, дальше сама-сама, – бросил он на ходу, уже одной ногой в коридоре. – У меня там дел невпроворот, сама понимаешь, важные дела…

И с этими словами, оставив Илонку один на один с гранитной дамой, он исчез. Просто исчез. Как будто его миссия по доставке ценного груза была выполнена, и теперь он спешил спасать мир от очередного кризиса снабжения, оставив ее на растерзание бюрократической машине.

Илона осталась наедине с Цербером. И тут началось. На нее обрушился бумажный водопад. Анкеты, заявления, автобиография. Какая автобиография, что она могла написать кроме «родилась, училась, провалилась в институт…» Каждая бумага требовала подписи, и каждая подпись казалась Илонке шагом к неизбежному заключению в этом бюрократическом аду. Рука устала выводить завитушки, а мозг отказывался понимать, зачем столько вопросов о папе и маме, о сестре, о бабушках и дедушках, если ей всего лишь собирать микросхемы.

– Теперь медкомиссия, – отчеканила Цербер, протягивая ей кипу направлений, словно приговор. – А потом сюда, за пропуском. И тогда уже начнешь работать.

«Тогда уже…» – пронеслось в голове Илонки. О, эти слова звучали как обещание рая после чистилища. Но сначала – медкомиссия. Илона уже предвкушала все «прелести» советской медицины, но это было уже совсем другая история. Главное, что ее «золотое дно» оказалось сперва глубокой ямой из бумаг и нервов. И это было только начало.

Семь километров боли

Когда, наконец, Илона, облегченно вздохнув, выползла из кабинета отдела кадров, ей так захотелось скорей домой, что она готова была не просто рыдать… Ей хотелось свернуться клубком, исчезнуть, раствориться в воздухе.

Илона шла к выходу по длинному, тускло освещенному коридору, который, казалось, вел в никуда. Снующие туда-сюда люди с папками и документами, их серые, озабоченные лица, мелькающие в полумраке, – все это тревожило Илону до дрожи. Все было чужое и чуждое. Они двигались с какой-то отлаженной, механической точностью, словно винтики в огромном, бездушном механизме. Никто не улыбался. Никто не смеялся. Просто шли, не замечая никого вокруг.

Еще вчера Илона была школьницей. Семнадцать лет – это же целая жизнь, наполненная звонким смехом подружек, запахом мела и свежих чернил, шелестом страниц атласа мира, который она мечтала объездить. Еще вчера она сидела за партой, мечтая о Пушкине и далеких странах, о том, как будет студенткой, а потом учителем. Ее тетради были исписаны стихами, а портфель был полон не только учебников, но и надежд.

А сегодня… Сегодня она была просто «рабочей». Семнадцать лет. Целая жизнь впереди, а казалось – уже конец.

Когда она, наконец, выбралась из лабиринта коридоров на улицу, еще по-летнему теплый ветер ударил в лицо, но даже он не смог разогнать удушающее ощущение, которое навалилось на нее внутри. Завод, огромный, мрачный, с бесконечными рядами стен из красного кирпича, казался не просто зданием, а каким-то чудовищем, которое медленно, но верно проглатывает и перемалывает души.

Илона сжала кулаки, пытаясь удержать подступающие слезы. Душа сжалась в комок, спряталась где-то глубоко внутри, не желая принимать эту новую реальность. Она хотела быть учителем, библиотекарем, художником, да кем угодно, только не этим. Она хотела читать книги, а не собирать микросхемы. Хотела видеть мир, а не тусклые стены завода.

Вчерашняя Илона, с ее мечтами и наивными представлениями о взрослой жизни, казалось, умерла где-то там, в душном кабинете отдела кадров. А на ее место пришла другая – грустая, испуганная, с липким ощущением тревоги на душе, которая никак не уходила.

Сейчас перед ней стояла новая задача. Как теперь добраться до родного дома – это был еще тот квест. Электричка только вечером в 6 часов, а сейчас, по ощущениям, только 10 утра, и между этими временными точками лежала целая вечность, а заодно и какая-то непонятная планета, на которой она оказалась. Что делать?

Илонка стояла у заводских стен, в небе сияло яркое, хоть и осеннее солнце, которое нагло светило, будто издеваясь над ее внутренним апокалипсисом. Было тепло. И Илонка, в приступе отчаянной гениальности, решила, что пойдет домой пешком. Она приблизительно знала дорогу, а поэтому, недолго думая и не просчитывая последствия, пустилась в столь рискованную авантюру. О том, что это была не просто авантюра, а самоубийственная миссия по уничтожению собственных стоп, Илонка поймет позже, а пока ей ее план казался единственно верным. И она двинулась к намеченной цели – домой.

Она ускорила шаг, почти побежала прочь от заводских ворот. Домой. Где пахнет маминими пирогами, где уютно и тепло. Где есть книги и тишина. Где можно закрыть глаза и представить, что все это – лишь страшный сон.

Вначале она прошла через сосновый бор на берегу реки, где пахло хвоей и свободой, потом через частный сектор города, где каждый забор выглядел, как насмешка над ее усталостью, и вышла к мосткам через реку. А дальше дорога уходила в гору через огромный луг, который казался бескрайним зеленым океаном. За лугом, далеко впереди, на вершине высо-

кого холма, виднелся лес – ее следующая веха на пути к спасению. Вот туда и шла Илонка, с каждым шагом все больше напоминая отважную амазонку, героиню-путешественницу, или первооткрывательницу новых земель.

Солнце все так же светило в безоблачном небе, дорога вилась через луг, как змея, а вот Илонке уже было не очень комфортно. Комфорт решил взять отпуск, а его место заняло нарастающее жжение. Она поняла, что ее туфли, казавшиеся такими удобными и милыми сегодня утром, начинают нещадно тереть пятки, словно коварные агенты, работающие на врага.

Когда Илонка, обливаясь потом и проклиная обувную промышленность, поднялась на вершину холма, то ее взору открылся очень красивый пейзаж: луг, все еще зеленый, извилистая река неспешно несла свои воды, словно смеясь над ее страданиями, а пятки у Илоны пылали огнем, устраивая адский адреналиновый фейерверк. А ей еще нужно было пройти через темный, как непроглядная ночь, лес, потом еще через один луг и небольшую деревню, и только потом пойдет спуск с горы и внизу железная дорога. И там, за железной дорогой, маячил милый дом, родной дом, как мираж в пустыне.

Через лес Илонка пролетела быстро, почти не дыша, потому что было немного страшно. Лес был темным, высокие ели почти не пропускали свет, превращая дорогу в туннель из теней и шорохов. Но дорога через лес была торная, широкая, и это внушало оптимизм, а заодно

и ускоряло шаг, потому что перспектива встретиться с диким кабаном в ее состоянии не очень прельщала. Когда, наконец, Илонка, словно пуля, вылетела из леса и дальше дорога привела ее в деревню, она уже еле шла. Пятки болели нестерпимо, каждый шаг давался с таким трудом, будто ее пятки кто-то жег раскаленным железом. Когда закончилась деревня и дорога вновь вилась через луг, Илонка сбросила ненавистные туфли, эти пыточные инструменты, и пошла босыми ногами по траве, которая казалась спасительным бальзамом и приятно холодила истерзанные ноги. На пятки было страшно смотреть: мозоли превратились в кровавое месиво, достойное фильмов ужасов. По щекам Илонки текли слезы – от боли, от обиды, от осознания тотального фиаско и от того, что ее первый шаг в самостоятельную жизнь оказался просто дном ее страданий. Последний километр пути, к ее ужасу, пришлось вновь идти в туфлях, потому что земля стала слишком колючей. Илонка шла из последних сил, каждый шаг – это был акт чистого мазохизма.

Когда она, наконец, пришла домой, то с огромным удовольствием сбросила ненавистные туфли, со вздохом облегчения швырнув их куда подальше, плюхнулась на диван, словно мешок с картошкой, и разрыдалась горько и отчаянно.

Мама, увидев пятки дочери, глубоко вздохнула, словно вдыхая всю боль мира, и открыла аптечку.

– Горе, ты мое! – сказала мама, качая головой. – Что же ты такое надумала? Семь километров шагать пешком в туфлях! Это же семь кругов ада, а не дорога домой!

Устройство на работу вновь было отложено в долгий ящик. Карьера на заводе была отложена до лучших, точнее, до «заживших» времен. Мозоли заживали долго и мучительно, превратившись в настоящие мини-кратеры. Ничего надеть на израненные пятки Илонка не могла, кроме, разве что, валенок, да и то с осторожностью.

Брат как-то вечером, спустя неделю, заглянул домой, словно только что вернулся из параллельной вселенной, где времени не существует, и поинтересовался, почему Илонка пропала с радаров.

Мама горестно вздохнула и рассказала печальную сагу о мозолях и разбитых мечтах. Брат вздохнул, как будто ему только что сообщили о конце света, но тут же вспомнил, что у него еще совещание по спасению галактики. Он посмотрел на Илонку, как на маленького, очень странного ребенка, покачал головой и только и сказал, с видом умудренного жизнью философа:

– Ясно. Надеюсь, через неделю все заживет.

Да, через неделю пятки, наконец, зажили, оставив после себя лишь смутные воспоминания о боли. А к этому времени наступил октябрь с дождями и холодами, встретив Илонку не только прохладой, но и прохладным отношением к пешим прогулкам. Илонка прошла медкомиссию, которая, кажется, была единственной вещью, которая не причинила ей физической боли, и наконец-то, она осторожно перешагнула проходную завода, готовая к новым испытаниям.

Цех №13

И вот Илонка, чувствуя себя первооткрывателем нового континента, а не просто новичком на заводе, шагнула на огромную территорию. Огромная – это было слабо сказано. Это был целый индустриальный город, раскинувшийся на километры, с бесчисленными корпусами, похожими на гигантские серые коробки, каждая из которых, казалось, скрывала в себе некую тайну, а то и пару заблудившихся душ. Илонка, как обычно, немедленно заблудилась. Пришлось несколько раз спрашивать дорогу, пытаясь объяснить, что ей нужен не просто цех, а ее цех – номер 13, который, по ощущениям, находился где-то на другом конце этого мира. Каждый раз, когда она спрашивала, ей указывали в разные стороны, и Илонка начинала подозревать, что цех №13 – это миф, а она – героиня какого-то запутанного лабиринта.

И вновь, когда Илона, наконец-то нашла этот, казалось, призрачный, а теперь реально существующий цех номер 13, такая уж Илонка везучая, не обошлось без казуса. В кабинете начальника цеха, со странной фамилией Дракопуло (у Илоны мелькнула мысль – Дракула), ее встретил не приветственный взгляд, а подозрительный прищур. Не успела Илона переступить порог кабинета начальника цеха, как его взгляд упал на ее модный в то время пакет, любовно прозванный в народе «Дикий пляж» – с пальмами, бикини и всем полагающимся буржуазным великолепием. Начальник поморщился так, будто только что проглотил лимон целиком, да еще и с кожурой.

– Чтобы я этой гадости буржуазной в моем цеху не видел! – отрезал он, словно пакет был не сумкой для бумаг, а шпионским оборудованием.

Илонка смутилась и покраснела, чувствуя себя шпионкой-диверсанткой, пойманной на горячем с пакетом, полным идеологически неправильных картинок. Ее «золотое дно» пока что пахло не золотом, а нафталином и строгими нравами. Позже, когда Илонка уже работала не первый месяц и привыкла к местным порядкам, она, как и другие девчонки, перестала обращать внимание на подобные мелочи и ходила с чем хотела. Но пока – смущение было неимоверным.

После такого не совсем радушного, но зато запоминающегося приема, Илонка вместе с технологом – молодой, приятной и, что удивительно, улыбчивой женщиной – прошлась по цеху. И вот тут Илонка забыла про пакет, начальника и даже про свои многострадальные пятки. Зрелище поразило и впечатлило. Цех был огромным, светлым, залитым искусственным светом, похожим на операционную. В два ряда, напротив друг друга, сидели женщины в безупречно белых колпаках и халатах, склонившись над микроскопами. Они не просто смотрели – они творили магию. Собирали блоки для радиостанций, которые, вероятно, потом отправлялись куда-то в космос или на секретные подводные лодки. Кто-то работал с крошечным паяльником, который Илонке показался инструментом для ювелирной хирургии, кто-то приваривал тонкие, как волос, золотые провода на ситалловые[1] платы. «Золотые провода! – пронеслось в голове у Илонки. – Значит, „золотое дно“ все-таки существует, только оно в микросхемах!»

Она смотрела на все это, как на инопланетную технологию, и удивлялась, как люди могут видеть что-то в эти крошечные штучки, да еще и работать с ними.

Потом были инструктажи, бесконечные бумаги, которые Илонка подписывала, не особо вникая в суть, а потом ей выдали спецодежду – белый халат, белый колпак, чтобы волосы не выпадали на секретные микросхемы, а то вдруг они от этого взбесятся, и кожаные тапочки, которые, о чудо, не жали! А еще инженер по технике безопасности, мужчина с лицом, кото-

[1] **Ситаллы** – стеклокристаллические материалы, полученные объёмной кристаллизацией стёкол. Разработаны советским физикохимиком И. И. Китайгородским. Ситаллы применяются для изготовления деталей, требующих прочности и термостойкости (корпуса приборов, шкалы, образцовые меры, подложки микросхем и другое).

рое, казалось, видело все мыслимые и немыслимые нарушения, предупредил, что на рабочем месте нельзя пользоваться косметикой. «Нарушительниц ждет умывание и лишение премии!» – заявил он, словно это было не предупреждение, а приговор к средневековой пытке. Илонка, которая еще вчера мечтала о карьере кинозвезды, теперь должна была выглядеть как привидение в белом халате, лишенное всякого намека на гламур.

Затем Илонку подвели к одной из женщин, которая выглядела как опытный гуру микросхем, и сказали, что это ее наставница. «Полгода она будет вас обучать, а потом вы будете сдавать экзамен и получите разряд», – прозвучало как приговор к пожизненному обучению. Илонка получила свое рабочее место с микроскопом, паяльником и сварочным приспособлением, которое выглядело, как игрушка из будущего. Теперь Илона стала членом бригады из пяти человек, и это немного грело ей душу. Позже, за обедом, Илона узнала, что три девчонки, такие же, как она, «бедолаги», попали сюда не по своей воле. Галя не поступила в мединститут, Надя – в железнодорожный, Таня – в финансово-экономический. «Значит, не одна я такая, кто не смог покорить вершину образования и оказался на дне, которое, возможно, и золотое, но пока больше похоже на ситалловое,» – подумала Илонка, и это знание, как ни странно, немного облегчило ее участь и успокоило муки совести.

Но отработала Илонка всего лишь три дня. Ровно три дня Илонка осваивала тончайшие нюансы пайки и сварочных работ, училась работать с крохотными диодами и транзистарами, смотреть на них в микроскоп и крепить на платы, согласно чертежам. Три дня она чувствовала себя частью великого и непонятного механизма, где золотые провода и микросхемы были важнее всего на свете. А потом их, молодых, незамужних и, вероятно, совершенно не понимающих, что происходит, отправили в колхоз с «шефской помощью» в сборе морковки. «Шефская помощь» – звучало это так же величественно, как и бессмысленно. «Морковка. Карл, морковка!» – пронеслось в голове у Илонки, когда она осознала, что ее путь к «золотому дну» вновь пролегает через грядки, а не через микроскопы.

Морковка: осенний реквием и крещение духа

Раннее октябрьское утро дышало сыростью и густым, молочным туманом, что обволакивал мир, приглушая звуки и скрывая очертания привычных улиц. Илонка стояла на проходной родного завода, ощущая, как пронизывающий холод просачивается сквозь тонкую ткань её куртки. Рядом с ней, словно верный, но неподъемный спутник, возвышалась необъятная сумка, набитая до отказа: теплая куртка, шапка, несколько свитеров, шерстяные носки, и, конечно же, резиновые сапоги – немые свидетели предстоящей битвы за урожай.

Что такое уборка моркови на бескрайних колхозных полях в октябре, Илонка знала не понаслышке. Для деревенской девчонки, выросшей среди полей и огородов, это было не просто знакомо, это было выгравировано в памяти на уровне мышечной боли и пронизывающего до костей холода. Ехать куда-то ей не хотелось от слова совсем, но, увы, никто её и не спрашивал. Это был не вопрос выбора, а незыблемый закон осени, ежегодный трудовой призыв, от которого нельзя было уклониться. Илонка чувствовала себя пешкой на огромной шахматной доске, которую двигала невидимая рука судьбы.

Единственным утешением, тонким лучиком света в этом туманном утре, было осознание того, что она едет не одна. Рядом щебетали и смеялись молодые, задорные девчонки из её цеха, их голоса звенели, как серебряные колокольчики, разгоняя утреннюю тоску. Их смех был заразителен, и Илонка невольно улыбнулась. С ними ехал и заместитель начальника цеха – крупный, веселый мужчина с добродушными морщинками вокруг глаз. Он шутил без умолку, его баритон разливался по проходной, разбавляя атмосферу уныния и безысходности. «Не то что наш начальник, – промелькнула мысль у Илонки, – этот хоть человек». В компанию также влилась пара инженеров, чьи обычно серьезные лица сегодня были расслаблены в предвкушении необычного приключения, и два наладчика оборудования, чьи руки, привыкшие к тонким механизмам, теперь готовились к более грубому труду. В общем, подобралась компания что надо – шумная, жизнерадостная, готовая к любым испытаниям. А для Илонки, новенькой в цехе, это был еще и прекрасный повод быстро познакомиться со всеми, стереть неловкие грани первых дней.

Вскоре все погрузились в старенький, пропахший бензином автобус, и он, кряхтя, тронулся в путь. Куда именно, Илонка не знала – да и какая разница? Куда везли, туда и ехала. Мысли о бескрайних полях, о сырой земле и холоде еще не успели заглушить легкое возбуждение от новизны ситуации. Но когда автобус наконец остановился, и они выгрузились, настроение Илонки рухнуло, словно камень в бездонную пропасть.

Их поселили в двухэтажном здании, которое, казалось, дышало холодом и запустением. Это был не дом, а скорее призрачный остов, абсолютно лишенный тепла и уюта. Жилые помещения располагались на втором этаже, а на первом – нечто, что отдаленно напоминало бытовой блок, но было таким же холодным, неустроенным и неуютным. Каждая трещина в стенах, каждый скрип половицы шептал о давнем забвении. Кормить их собирались в колхозной столовой, но только завтра. А сегодня, в этот первый день, вся их разношерстная, но уже сплоченная компания собралась в одной из комнат на первом этаже. Посреди нее стоял длинный, кое-как сколоченный из досок стол, а рядом – две такие же, грубо сбитые скамьи.

Человек двадцать, все до единого, выставили на стол свои «ссобойки». Запах нарезанных огурцов и помидоров, свежей зелени, нагонял аппетит. Домашние котлеты и отбивные, источающие аппетитный аромат, казались настоящим пиром. И тут заместитель начальника цеха, крякнув заговорщицки, словно фокусник, вытащил из недр своей сумки молочную бутыль. Сердце Илонки ёкнуло – она уже догадывалась, что там. И точно: это был спирт. Вот это поворот! Уныние от холода сменилось каким-то озорным предвкушением.

А потом начался обед, плавно перетекающий в ужин, а для Илонки – в настоящее крещение. Самое ужасное, или, скорее, самое незабываемое, было то, что всех девчонок, пришедших работать в цех сборщицами микросхем, решили «посвятить» в профессию. А это означало, что им наливали спирт, благо, разбавленный водой. Вот тут-то и пришлось Илонке, которая до этого пробовала лишь домашнее яблочное вино, и то по большим праздникам, пить эту жгучую жидкость. Под веселое улюлюканье, ободряющие крики и смех сослуживцев, Илонка делала глоток за глотком. Спирт обжигал горло, оставляя за собой пылающий след, но отступать было некуда. Это был своего рода ритуал, негласный пропуск в новый мир, в новый коллектив. Сразу хочу сказать, что ничего страшного не случилось, кроме ужасного утреннего сушняка, когда рот казался пустыней, а голова – раскаленным котлом.

А потом, утром, начались унылые, но неизбежные трудовые будни на полях колхоза. Морковка уродила на славу – оранжевые корнеплоды плотно сидели в земле, обещая богатый урожай. И дружная компания вместе с Илонкой собирала её почти две недели, каждый день, с утра до вечера. Иногда лил дождь – холодный, пронизывающий, словно тысячи ледяных иголок. Тогда все сидели в здании, вернее, не сидели, а лежали, свернувшись калачиком, пытаясь хоть как-то согреться. Дождь был и благословением, и проклятием: он давал передышку от изнурительного труда, но одновременно усиливал всеобщую сырость и холод.

Условия проживания были, мягко говоря, спартанскими. Комнаты не отапливались совсем, и единственным спасением от вездесущего холода и всепроникающей сырости был огромный электрический калорифер с вентилятором, гудевший, как реактивный двигатель. Он стоял в коридоре, словно пульсирующее сердце тепла, и поэтому дверь в комнату постоянно была открыта, чтобы хоть немного этого драгоценного тепла могло попасть внутрь. Белье было постоянно сырым, пропитанным запахом сырости и влаги. Сапоги сушились прямо у калорифера, источая специфический аромат мокрой резины. Спали, укрывшись не только одеялами, но сверху набрасывали куртки, создавая своеобразный кокон из тряпок и тепла, отчаянно пытаясь удержать каждый градус.

А с душем было еще то приключение, достойное отдельной главы. На первом этаже, посреди огромного помещения, похожего на пустой амбар, стоял одинокий кран с горячей водой. Просто кран. Без кабинок, без занавесок, без намека на уединение. Там все и мылись. Брали свои десяти-литровые оцинкованные ведра, в которые днем собирали морковь, наполняли их горячей водой, и, пока одни стояли на посту у огромных ворот, держа их закрытыми, другие, при уличной температуре в 10—15 градусов, мылись, как могли, с максимальной скоростью и изобретательностью. Это был настоящий ритуал, акт коллективного выживания и взаимопомощи. Самое удивительное, что никто не заболел – то ли юность брала свое, то ли закалка деревенской жизнью, то ли сила духа, закаленная общим испытанием.

Как-то в один из вечеров, Илонка проснулась от шума, который, казалось, пробивался сквозь плотный слой её сна. Открыв глаза, она обнаружила, что на её кровати сидит незнакомый парень и пристально смотрит на неё. Это был момент чистого, сюрреалистического шока. Оказалось, что местные парни, словно тени, влезли в комнату через окно, и уже минут двадцать девчонки с ними ругались, пытаясь выгнать непрошеных гостей вон. А Илонка, утомленная дневным трудом и крепким сном, все это время спала спокойно и ничего не слышала, погруженная в глубокое забытье. В конце концов, на шум и крики прибежали мужчины из своей комнаты, и местные, устыдившись или просто испугавшись мужской компании, удалились, растворившись в ночной мгле.

Больше драматических приключений не было. Была морковка, её бесконечные ряды, холод, проникающий в каждую клеточку тела, и грязь, вездесущая, липкая грязь, ставшая вторым слоем кожи. Поэтому спустя две недели, когда Илонка вернулась домой, она ощутила сладость настоящего освобождения. Этот кошмар, эта странная, суровая эпопея, наконец-то закончилась.

Но, как это часто бывает, даже в самых тяжелых испытаниях всегда есть свои плюсы. Теперь Илонка стала не просто новым сотрудником, а настоящим, полноправным членом рабочего коллектива. Она прошла своеобразное крещение, закалилась в горниле общих трудностей. Она нашла новых друзей и знакомых, чьи лица, еще недавно чужие, теперь казались родными.

Их смех, их совместные шутки, их поддержка в поле и в холодном бараке – всё это выковало невидимые, но крепкие узы. Эта «морковка» стала не просто трудовой повинностью, а незабываемым опытом, настоящим обрядом посвящения, который навсегда оставил свой след в её памяти и сердце.

Городская одиссея и прозрение под микроскопом

По возвращении из морковного плена, Илонка, хоть и закаленная, но измотанная до последней нитки, поняла одну простую истину: ежедневные марш-броски из деревни на работу – это не просто утомительно, это самоубийственно. Осень, как заправский дирижер, набирала обороты, играя симфонию из промозглого ветра и проливных дождей. Преодолевать каждое утро три километра через продуваемое всеми ветрами поле, где каждая кочка казалась засадой, а каждая лужа – бездонным болотом, а потом возвращаться вечером через это же поле в кромешной тьме, было не просто некомфортно, а откровенно опасно. К тому же, вторая смена, которая для не достигшей 18 лет Илонки заканчивалась раньше, чем для взрослых, оставляла её наедине с отсутствием транспорта и деревенской тьмой. Наверное, это была судьба, или, по крайней мере, очень убедительная причина искать жилье рядом с заводом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.